
МАРИНА ВЕТРОВА ✦ ЭММА РУДКЕВИЧ
Измена мужа.
Ты сделал меня преступницей,
но твой враг выбрал меня!

Марина Ветрова
Эмма Рудкевич

Измена мужа. Ты сделал меня преступницей, но твой враг выбрал меня!

https://litres.ru/74716603
SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж возглавляет медицинскую корпорацию. Я верила, что вместе мы спасаем жизни, пока не обнаружила: его новый препарат калечит и убивает пациентов, а результаты испытаний подделаны.

Артём уничтожил доказательства, выставил меня преступницей и решил, что я буду молчать.

Но он просчитался.

Когда против меня оборачивается вся его империя, появляется Марк Грозов — опасный, влиятельный мужчина, которому тоже нужна правда.

Его помощь дорого стоит, а доверять ему страшно.

Пока муж угрожает моей матери и охотится за последними уликами, я должна раскрыть преступление, вернуть своё имя и

понять: Марк хочет спасти меня или сделать своей послушной пленницей?

А я больше не покорюсь.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 20
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Марина Ветрова, Эмма Рудкевич Измена мужа. Ты сделал меня преступницей, но твой враг выбрал меня!

Глава 1

В три часа ночи в лаборатории тянет дезинфектором. Обычно я перестаю замечать его к концу смены, но сейчас от запаха мутит. Холод от кафеля пробирается сквозь подошвы туфель. Передо мной терминал доступа к архиву сектора Б-4; я убавляю яркость, чтобы синий отсвет не был виден из коридора.

— Давай, Алиса, — шепчу я себе. На собственном имени голос срывается. Приходится повторить тише.

Мои руки привыкли к точности: пипетки, центрифуги, миллиграммы. Но сейчас я дважды промахиваюсь мимо сканера. Я прижимаю ладонь к сканеру отпечатков. Красный крест. «Доступ запрещен». Папка «Клинические испытания — Фаза 3» надежно спрятана за цифровым замком, ключом

от которого обладает только Артем Кравцов. Мой муж. Глава корпорации VitaMed. Человек, который сегодня на ужине говорил об «инновациях ради спасения жизней», пока его пальцы перебирали ножку бокала.

Я знала, что так будет. Знала, что он уничтожит данные о побочном эффекте препарата «Нейро-Сейф». И всё-таки пришла. Ещё час назад уговаривала себя: вдруг он только закрыл мне доступ, а отчеты оставил?

— Черт, — выдыхаю я. В горле ком.

После сбоя сервера два года назад остался запасной вход. Я тогда собиралась сообщить о нём администратору. Артем велел не отвлекать людей перед проверкой, а потом всё откладывалось: дедлайн, новая серия, ещё один дедлайн. Сейчас мне стыдно за это послушание — и страшно, что единственный шанс именно в нём. Открываю командную строку. На клавишах остаются влажные следы. Дважды стираю ошибку, прислушиваюсь к коридору. Давай. Сначала попасть внутрь. О том, что будет после, подумаю, когда скопирую отчеты.

Экран мигает. Загрузка. Полоска прогресса ползет медленно, словно улитка по стеклу. Сердце колотится где-то в висках.

«Открыто».

Папка появилась. Я щелкаю мышкой, готовая увидеть графики токсикологии, отчеты о смертях пациентов, правду, которая разорвет их на части.

Пусто.

Ни одного файла. Только белый лист интерфейса и курсор, мигающий с насмешливой регулярностью. Я моргаю. Перезагружаю страницу. Ничего. Файлы были удалены. За час до моего прихода. Или ровно в тот момент, когда я вышла из дома.

Холод пробивается сквозь халат, забирается под ребра. Он не просто стирал улики. Он ждал. Он знал, что я приду. Эта мысль заставляет меня пошатнуться. Я хватаюсь за край стола. Ещё секунду назад собиралась скопировать отчеты, а теперь даже не знаю, куда смотреть.

Если нет цифр, значит, есть бумага. Артем любит порядок, но он параноик. Он знает, что электронные следы можно подделать или уничтожить одним кликом. Но физический черновик... Черновик нельзя удалить кнопкой «Delete». Его нужно порвать. Сжечь. А если он торопился? Если он был уверен, что никто не полезет в сейф главного лаборанта в три часа ночи?

Я оборачиваюсь к кабинету Димы. Главный лаборант дежурит один. Он может открыть шкаф. Если попросить, я втяну его в это вместе с собой.

Дверь в кабинет Димы приоткрыта. Внутри горит настольная лампа, бросая желтые тени на стопки журналов. Дима сидит, уронив голову на руки. Он спит? Или притворяется?

— Дима, — тихо говорю я.

Он вздрагивает, резко выпрямляясь. Глаза красные, веки

отекшие. Он смотрит на меня со смесью испуга и узнавания.

— Алиса? Ты... ты здесь? Что случилось?

— Мне нужно проверить старые протоколы испытаний, — голос звучит чуждо, механически. — Срочно. Для внутреннего аудита.

Дима качает головой, отодвигаясь от пульта. Его движения резкие, нервические.

— Ты приказ не читала? Никаких проверок ночью. Теперь всё через HR, уровень «Альфа». Оригиналы открываю только по распоряжению Кравцова. — Дима потянул край рукава на ладонь. — Алиса, я не могу. Даже тебе. Особенно тебе.

«Особенно тебе». Я останавливаюсь у его стола. Дима прячет взгляд; ещё вчера сунул бы мне ключ, даже не отрываясь от журнала. Значит, указание было про меня. Он его выполнил. И сейчас ждёт, что я уйду и ему не придётся выбирать второй раз.

— Дима, посмотри на меня, — я делаю шаг ближе. Запах дешевого кофе и пота ударяет в нос. — Помнишь мою диссертацию? Три года назад. У тебя тогда сгорел жесткий диск с сырыми данными по ферментативной активности. Мы восстанавливали всё вручную. Всю ночь. Ты тогда сказал мне: «Наука важнее инструкций, Ветрова».

Его лицо меняется. Он убирает руку с пульта. Значит, вспомнил: тогда я могла уйти домой, оставив его с сорванной защитой, но осталась.

— Алиса, не надо... — он оглядывается на дверь.

— Минута, — прошу я. — Отвернись. Просто отвернись. Я возьму только то, что мне нужно, и уйду. Ты даже не увидишь, что именно.

Тишина между нами густеет. Гул вентиляции снаружи становится громче. Дима сжимает челюсти так сильно, что желваки ходят ходуном. Он смотрит на часы. На меня. На свои руки.

И делает шаг назад.

— Быстро, — шепчет он, поворачиваясь лицом к стене. — Если войдет охрана, я ничего не знаю. Я ничего не видел.

Пока Дима не передумал, вытаскиваю из кармана дубликат ключа и подхожу к металлическому шкафу в углу. Месяц назад, когда впервые заподозрила неладное, я тайно заказала его и потом несколько дней боялась даже носить с собой. Тогда это казалось перестраховкой. Теперь ключ звякает о дверцу, и я прижимаю его ладонью: только бы не услышали в коридоре.

Металлическая дверца поддается со скрипом. Внутри темно и пыльно. Я шарю рукой, чувствуя холод стали. Отчеты должны быть здесь. Папки с печатями. Подписи врачей.

Но пальцы натыкаются на пустоту.

Включаю фонарик на телефоне. Луч света выхватывает содержимое сейфа. Ни одной папки. Ни одного листа с подписями. Только стопка чистых фирменных бланков VitaMed и дорогая ручка Parker.

Сердце пропускает удар.

Он убрал всё. Всё, кроме того, что хотел оставить. Ловушка захлопнулась еще до того, как я вошла сюда. Чистые бланки — это насмешка. Доказательств нет. Есть только я, стоящая на коленях перед открытым сейфом, с фонариком в одной руке и пустотой в другой.

— Алиса! — кричит Дима, не поворачиваясь. — Хватит! Нам пора!

Поднимаюсь, опираясь на дверцу: затёкшие колени подгибаются. Слишком долго провозилась. Дима всё ещё смотрит в стену, но я вижу, как напряглась его шея. Ещё секунда — он обернётся. Прикрываю шкаф, но не дожимаю дверцу: она скрипит, и Дима вздрагивает. Ключ прячу обратно.

Я делаю шаг к выходу, и мое внимание привлекает стол Димы. Рядом с монитором лежит свежая чернильная клякса. Синяя, жирная, еще не высохшая. А в корзине для мусора, обычно пустой, виднеются клочки бумаги. Разорванные в мелкие ошметки.

В одном клочке видна знакомая клетчатая разлиновка. Мы писали черновики на такой бумаге. Я уже почти вышла — и возвращаюсь. Пусть в шкафу пусто. Эти обрывки я ещё не проверила.

Хватаю корзину за край, вытягиваю из-под стола. Пальцы скользят между обрывками; один режет подушечку, оставляя тонкую полосу крови. На бумаге есть цифры. Слишком мелкие клочки, чтобы сразу прочесть строку, но почерк знакомый. Собрать бы на столе, состыковать края... Нет време-

ни. Сгребаю горсть и зажимаю в кулаке. Дома разложу. Если доберусь домой.

— Алиса, что ты делаешь?! — Дима резко оборачивается. Его глаза расширяются от ужаса.

В этот момент дверь в лабораторию открывается бесшумно.

Я замираю. Клочки бумаги сжимаются в кулаке, впиваясь в ладонь.

Глава 2

На пороге стоит Лариса Дорн. PR-директор компании. Идеальная укладка, платье цвета глубокого вина, туфли на шпильках. В правой руке она держит бокал шампанского. Пузырьки весело играют в золотистой жидкости.

Она улыбается мне, а смотрит за плечо — на приоткрытую дверцу шкафа.

— Вот ты где, — её голос звенит, как хрусталь. — Алиса, дорогая, три часа ночи. Артем уже спит, а жена по шкафам лазает? Что ищем?

Запах её духов — тяжелый, сладкий, удушающий — заполняет пространство между нами. Я отступаю на полшага: от этих духов першит в горле. Лариса делает шаг внутрь. Шум от её шагов эхом отдается в тишине лаборатории.

Дима стоит как вкопанный, глядя на неё, потом на меня, потом снова на неё. Его лицо приобретает землистый оттенок.

— Я... проверяла реактивы, — говорю я. Голос ровный. Слишком ровный. Я чувствую, как капля пота стекает по позвоночнику, холодея на коже. — Срочная партия. Нужно было убедиться в концентрации перед утренним циклом.

Лариса подходит ближе. Она останавливается в метре от меня. Я вижу поры на её идеально гладком лице, вижу легкий румянец на щеках. Она смотрит на мой кулак, сжатый у

бедра. На клочки бумаги, торчащие между пальцами.

— Реактивы хранятся в секторе А, Алиса, — она произносит это мягко, почти нежно. — А мы находимся в секторе Б. Где хранятся документы. Конфиденциальные. Очень конфиденциальные.

Она приподнимает бокал, делая глоток. Звук проглатывания жидкости кажется оглушительным.

— Артем очень ценит твою... преданность. Но иногда любопытство может привести к неприятностям. К юридическим. К профессиональным. Ты ведь не хочешь потерять лицензию? Ты ведь не хочешь, чтобы твое имя стало синонимом слова «вор»?

Я смотрю ей прямо в глаза. Она переводит взгляд с бумаги на мой телефон. Любовница Артема знает, что именно я ищу; иначе откуда угрозы юридическим отделом? Мне хочется спросить её про отчеты. Нельзя: она и так уже слишком много увидела.

— Мне пора, — говорю я. Поворачиваюсь к двери. Ноги становятся ватными, но я заставляю себя идти. Медленно. Достойно. Как будто я не тащу за собой шлейф преступления, а просто выхожу из помещения.

— Дима, проследи, чтобы все системы были закрыты, — бросает Лариса через плечо, не глядя на него. Её внимание приковано к моей спине.

Я выхожу в коридор. Дверь закрывается за мной с глухим стуком. Тишина медицинского кластера давит на уши. Вен-

тиляция заглушает шаги за дверью. Я не могу понять, идёт ли Лариса следом.

Иду быстро, прижимая к боку руку с зажатой бумагой. Очень хочется побежать. Но тогда на меня оглянётся любой дежурный, и придётся объяснять, почему я выскочила из кабинета Димы. До лифта осталось две двери. Пройти их как обычно. Только это.

Телефон в кармане халата вибрирует. Один короткий импульс. Потом второй.

Я останавливаю себя. Нужно добраться до машины. До дома. До безопасного места. Но вдруг это Дима? Я всё-таки лезу в карман свободной рукой. Пальцы дрожат, когда я вынимаю устройство.

Экран загорается ярким, режущим глаза светом.

Не сообщение от мужа. Не звонок от адвоката.

Автоматическое уведомление от службы безопасности VitaMed. Системное оповещение.

«Обнаружен несанкционированный доступ к физическим носителям информации в секторе Б-4. Камеры зафиксировали лицо сотрудника А. Ветрова. Время инцидента: 03:14. Статус: Активирован протокол "Шпионаж". Передача данных в юридический отдел.»

Я читаю эти строки. Однажды. Дважды. Десять раз. От яркого экрана слезятся глаза. Я увеличиваю текст, хотя каждое слово уже помню.

Протокол «Шпионаж».

Камеры.

Он знал. Артем знал, что я буду искать доказательства. Пустой сейф, клочки в корзине, Лариса у двери — всё складывается слишком удобно для него. Может, бумагу оставили нарочно. Но камера уже сняла, как я её забираю, и теперь оправдываться придется мне.

Я разжимаю ладонь и вижу на бумаге влажные следы пальцев. Даже эти клочки теперь могут предъявить мне.

Где-то далеко, за стенами лаборатории, включается сирена. Тихо, нарастая. Или мне кажется?

Экран телефона гаснет, отражая мое бледное, искаженное ужасом лицо. За спиной щёлкает дверь. Я прячу бумагу в карман и ускоряю шаг. К выходу — пока пропуск ещё работает.

Пропуск сработал. Турникет пропустил меня, и я вышла из здания под ночным дождём, прижимая карман с клочками бумаги. Только в машине позволила себе дрожать: лоб ударился о холодный руль, и я долго не могла оторвать его от кожи.

Дома я разложила спасённые обрывки на кухонном столе и сидела над ними до рассвета. Цифры, оборванные даты, ни одного целого предложения: из этого нельзя было собрать обвинения, но выбросить я не смогла. Днём пришёл приказ об увольнении.

Следующим вечером я снова в VitaMed. После ночного оповещения мой доступ закрыли, а днем прислали при-

каз об увольнении. У серверной тянет холодным воздухом; здесь нет привычного запаха реактивов. «Нейро-Сейф» Артем Кравцов собирается вывести на рынок через месяц. Я стою перед дверью в серверную, прижимаясь спиной к стене так, будто это спасет меня от его взгляда. Даже если он смотрит только на экраны мониторов в своем кабинете на двадцать пятом этаже.

Руки дрожат так, что приходится зажать пропуск между ладонями. Прислушиваюсь к коридору, прежде чем поднести его к двери. Вчерашние клочки я перебрала до утра. Несколько цифр, оборванные строки — по ним мужа не остановишь. Нужна копия целиком. Черновики отчетов о побочном эффекте — необратимом поражении печени у детей — должны исчезнуть из резервной копии VitaMed ровно через три часа, когда система синхронизируется автоматически. Если я не вытащу их сейчас, завтра они станут просто строчками в юридическом заключении о моей краже интеллектуальной собственности на пятнадцать миллионов рублей. А потом препарат получат новые пациенты.

У двери серверной два способа входа: биометрия и служебный пропуск. После моего увольнения доступ мне заблокировали мгновенно, но я знаю одну вещь: база данных охранников обновляется с задержкой. Месяц назад уволили старого Ивана за пьянку. Его ID всё ещё может висеть в системе как «техническая ошибка». Я достаю из кармана куртки магнитный пропуск, найденный в мусорном баке рядом

с ресепшеном. Пальцы скользят по пластику. Прикладываю к считывателю.

Зеленый огонек мигает. Замок щелкает, но дверь открывается лишь наполовину. Внизу дверь цепляет за порог. Внутри тускло горят индикаторы серверных стоек. Это ловушка? Или просто недосмотр администратора, который слишком занят тем, что подлизывается к Ларисе Дорн? Протискиваюсь боком, больно ударяясь коленом о край застрявшей двери. В темноте слышен только гул кулеров — низкий, монотонный бас, заглушающий стук сердца. Почти.

Я встаю на четвереньки. Из коридора меня могут увидеть через стеклянную вставку в двери. Ниже стола я хотя бы не на виду. Ползу к терминалу доступа, стараясь не задеть кабели. Колени скребут по холодной плитке, оставляя на джинсах темные пятна. Боль пронзительная, почти приятная — она возвращает фокус, вытесняет страх.

Из кармана достаю внешний накопитель. Маленький, черный, размером с ноготь мизинца. Моя страховка. Я подключаю его к USB-порту терминала. Экран вспыхивает синим светом, требуя администраторский пароль. Моя учетная запись уже отключена службой безопасности. Администраторский пароль я видела неделю назад, когда Лариса оставила планшет на столе в переговорной во время обеда. Она никогда не меняет пароли после корпоративных вечеринок. Слишком занята собой.

Я печатаю цифры, стараясь не задеть клавиши лишним

пальцем. «Enter».

Экран моргает.

«Активность аномальна. Сигнал отправлен в службу безопасности».

Сердце пропускает удар. Они уже знают. Но файлы еще тут. Полоса загрузки появляется медленно, как густой мед. 10%... 30%...

И тут телефон в кармане начинает вибрировать. Жужжание слышно даже сквозь куртку. Кто знает мой номер? Нет, я сменила сим-карту вчера ночью. Это может быть случайность. Но вибрация превращается в непрерывное жужжание, которое режет тишину серверной, как пила.

50%... 70%.

Свет в коридоре за дверью гаснет. Идеальная темнота снаружи. И топот ботинок. Тяжелый, размеренный. Так ходят люди, уверенные в своей силе. Охрана. Они идут сюда. Прямо сейчас.

85%... 90%.

Я тянусь к флешке, но рука отказывается слушаться. Пот капает со лба в глаза, щиплет. Я стираю его тыльной стороной ладони, пачкая лицо пылью с пола. Ручка двери дергается. За порогом скребёт подошва: кто-то с силой толкает заевшую дверь.

95%... 98%.

Файл поврежден? Нет, ключевой документ с формулой токсина скачан. Остальное — мусор, логи системы, пустые

папки. Мне хватит этого. Я выдергиваю накопитель, обрывая соединение. Темнота внутри серверной кажется спасением, пока я не вижу силуэт в дверном проеме.

Это не охранник.

Глава 3

Артем Кравцов стоит, прислонившись плечом к косяку. В руках смартфон, на экране которого видно трансляцию камер наблюдения. Он не кричит. Он улыбается. Когда-то я ждала этой улыбки к концу тяжелого дня. Теперь смотрю только на его руки — что он собирается сделать?

— Ты всегда была слишком умной для своей должности, Алиса, — шепчет он, делая шаг ближе. Он говорит так тихо, что я невольно подаюсь к нему — и тут же отшатываюсь. Узнаю этот тон: дома после него уже нельзя было ни спорить, ни выйти из комнаты. — И слишком глупой для жены.

Поднимаюсь, держась за край стола. Он подходит вплотную, нависая надо мной. От пиджака тянет сигарным дымом, хотя сам он не курит. Значит, опять был у инвесторов. Я инстинктивно отшатываюсь, спотыкаясь о кабель питания. Артем протягивает руку, и я, не думая, прячу флешку в рот. Холодный пластик касается языка, металлический привкус заполняет рот. Я жду удара. Обыска. Любого насилия.

Но он достает из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги. Кладет его на пол передо мной.

— Подпиши, — говорит он мягко. — Отказ от претензий. Признание в краже. Дело закроют тихо. Никакого суда, никакого тюремного срока. Просто... тишина.

Я смотрю на бумагу. Потом на свои руки, грязные от пы-

ли серверной, дрожащие от холода. Если я подпишу, «Нейро-Сейф» выйдет на рынок. Дети начнут болеть. Их матери будут плакать в кабинетах врачей, а врачи будут разводить руками, потому что все анализы чистые. Потому что данные уничтожены. А я буду жить спокойно. В дорогой квартире, которую он оставил мне «из жалости». В клетке из золота и молчания.

Я выплевываю флешку на пол. Пластик стучит о кафель, отскакивая к носкам его туфель.

— Иди в жопу, Артем, — говорю я тихо, но твердо. Голос срывается, хрипит, но слова летят точно в цель.

Вот теперь он перестал улыбаться. Я могла бы ещё наклониться за листом, сказать, что погорячилась. Вместо этого сдвигаю бумагу носком под стол. Моя совесть, дурацкая, вредная штука, наконец перестала ныть. А колени так и трясутся.

Дверь распахивается с грохотом. Два охранника врываются в комнату, схватывая меня под руки. Я сопротивляюсь, царапая ногтями лицо одному из них. Кожа рвется, кровь брызжет на мою рубашку. Артем даже не моргает. Он спокойно поднимает флешку с пола, рассматривает её, словно игрушку, которую ребенок сломал, и бросает в мусорную корзину у стены.

— Ведите её в холл, — приказывает он, не глядя на меня. — Пусть увидят коллеги. Пусть поймут, кто такой промышленный шпион.

Они тащат меня прочь. Сквозь лабораторию, где мои бывшие коллеги прячут глаза, уставившись в мониторы. Сквозь коридоры, где эхо наших шагов звучит как приговор. Мы выходим в главный холл здания. Здесь светло, просторно, полно людей. Посетители, клиенты, инвесторы. Все смотрят. Я чувствую себя обнаженной, несмотря на одежду. Чувствую каждый взгляд, как физический удар.

И тогда я вижу его.

В углу, среди теней колонн, стоит человек в дорогом темно-синем пальто. Он не смотрит на меня. Его внимание приковано к спине Артема, удаляющегося к лифтам VIP-зоны. Человек держит телефон у уха, слушая кого-то. Затем он кладет трубку, делает жест рукой, будто отгоняет назойливую муху, и растворяется в толпе посетителей, выходящих на улицу.

Он смотрел на Артема, пока все остальные разглядывали меня. Я пытаюсь запомнить лицо, но охранник дёргает меня к выходу. Кто это? И почему не остался досмотреть представление?

Нас выводят из стеклянных дверей на площадь. Вечерний Санкт-Петербург встречает нас холодным ветром и сыростью. Сирены полицейских машин воют где-то далеко, приближаясь. Красные и синие огни отражаются в мокром асфальте, размывая реальность. У дверей охранники заводят мои руки за спину и стягивают ремнем. Один удерживает за локоть, второй встает на пути к улице. Я дышу часто, поверх-

ностно, глотая ледяной воздух, который обжигает легкие.

Телефон в кармане снова вибрирует. Один раз. Коротко.

Я не могу достать его, руки связаны за спиной ремнем. Но чувствую вибрацию сквозь ткань куртки. Кто это? Артем? Лариса? Адвокат, которого мне не дадут нанять?

Полицейские подходят ближе, их фонари слепят глаза. Один из них тянется к моему телефону, чтобы конфисковать устройство как вещдок. Он вытаскивает аппарат из кармана куртки. На заблокированном экране загорается уведомление; полицейский поворачивает телефон к свету, и я успеваю прочитать его.

SMS от неизвестного номера.

«Файлы были пустышкой. Настоящие данные у меня. Жду звонка. М.»

Пустышкой?

Мир вокруг меня качается. Флешка, которую я защищала ценой жизни, была приманкой? Вот почему Артем не бросился к терминалу. Ему было важнее поймать меня, чем отнять файл.

А кто такой «М»?

Полицейский убирает телефон в пакетик для вещдоков. Меня сажают в машину. Дверь захлопывается, отсекая шум города. В тесном салоне пахнет потом и дешевым дезинфектором. Я прижимаюсь щекой к холодному стеклу окна и смотрю на здание VitaMed, с ярко освещённым холлом: там по-прежнему ходят люди, а меня уже увозят.

Номер я не успела запомнить. Только букву «М». Прижимаюсь лбом к стеклу и повторяю её про себя, как будто это поможет не забыть сообщение. Когда меня выпустят, первым делом попрошу вернуть телефон. Даже если придётся опять унижаться. Мне нужно найти этого человека.

Допрос тянулся всю ночь. Следователь задавал одни и те же вопросы: откуда флешка, кто дал пароль, зачем я возвращалась в серверную. Я отвечала, что искала доказательства побочного действия препарата, и видела, как в протоколе это превращается в признание. Телефон ушёл в пакетик для вещдоков, а вместе с ним и номер с буквой «М».

Утром меня отпустили. На выходе вручили талон: явиться по вызову. Я сунула бумажку в карман и отправилась в VitaMed за своими вещами.

Наутро после допроса меня отпустили. Я вернулась в VitaMed за личными вещами. Их вынесли из лаборатории в мой рюкзак и поставили на стол у охраны: тетради торчали из расстёгнутого верха, мамина фотография лежала рядом. Я успела убрать её внутрь и перекинуть лямку через плечо. У двери пахло озоном и дешевым кофе из автомата. Вчера я ещё могла купить здесь кофе, сегодня охранник даже не дал подойти. Я стояла перед дверью лаборатории «VitaMed», сжимая ключ-карту так сильно, что пластик впивался в подушечки пальцев. Костяшки побелели, дрожи не было — только ледяная ярость, которая сковывала челюсть.

— Алиса Ветрова, положите пропуск и сумку на пол, —

старший смены смотрел не на меня, а на пропуск в моей руке. За его спиной маячили двое крепких парней в черных куртках.

— Карту забирайте, — сказала я, удерживая лямку рюкзака. — Вещи мои. Вы сами велели за ними приехать. Или теперь и тетради нельзя? Десять лет моих записей — тоже собственность Кравцова?

Старший смены усмехнулся. Не злобно, а скучливо. Он сделал шаг вперед и легко, будто отбирал игрушку у капризного ребенка, вырвал карту из моих пальцев. Пластик хрустнул.

— Собственность? Милая, сейчас разберутся, кому что принадлежит. У вас дело о краже интеллектуальной собственности на пятнадцать миллионов. А это значит, что вы даже дышать имеете право только по разрешению следователя. Сумку. На пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.